

Виктор Кузьменко

РЕДКАЯ РАБОТА

СТИХИ И ПЕСНИ

Виктор Кузьменко

Редкая работа

«Издательские решения»

Кузьменко В.

Редкая работа / В. Кузьменко — «Издательские решения»,

Этот сборник придётся по вкусу любителям простой по форме и глубокой по содержанию поэзии. Стихи написаны в разное время, публиковались в газетах и журналах. Мир, в который вы войдёте, открыв эту небольшую книгу, заставит вас улыбаться, грустить и размышлять вместе с её автором. Одно можно сказать с уверенностью: вы точно никогда не пожалеете о потраченном времени и, дойдя до последней страницы, обязательно захотите вернуться и перечитать многие из представленных в сборнике стихов.

© Кузьменко В.

© Издательские решения

Содержание

Поэт с гитарой	6
Стихи и песни	8
«Стихи – перелётные птицы...»	8
«Наше время...»	9
«Голубоглазый мальчуган...»	10
«Твердят, что время лечит, —...»	11
«Далекie звёзды в манящем просторе...»	12
«Тикают ходики в старой квартире...»	13
«На лету снежинки тают...»	14
«Глаз твоих...»	15
«Хорошо бы знать, что лучше...»	16
«Се ля ви, ах, мон шер, се ля ви...»	17
А. Смоляру	18
Д. Шульпову	19
«Не стоит в том винить лозу...»	20
«Ничего не дать, ничего не взять...»	21
«По зыбким, горячим песчаным барханам...»	22
«Прогуляемся по осени...»	23
«Однопутка. Поезда...»	24
«В бессмысленных поисках смысла...»	25
«Когда чего-то хочется —...»	26
«Ой, да на лужке, лужке...»	28
Калина-ягода	30
«Широка река, да не глубока...»	31
«Эта осень, словно книга...»	32
«К вечеру тени гуще и глуше...»	33
«С утра и до утра холодные ветра осенние...»	34
«Просто вечер летний был...»	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

**Редкая работа
стихи и песни
Виктор Кузьменко**

© Виктор Кузьменко, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Поэт с гитарой (Вместо предисловия)

Передо мной старая, пожелтевшая, местами потрепанная фотография начала восьмидесятых годов теперь уже прошлого века. На ней три молодых человека с гитарами – это мы: Николай Рамбургер, ныне проживающий в Германии, Виктор Кузьменко и я. На фотографии мы запечатлены во время нашего выступления в школе №21 г. Уфы – пели песни своего сочинения перед школьниками и учителями...

Вот и получается, что с Виктором Кузьменко мы дружны уже более четверти века.

Виктор появился в клубе авторской песни в середине восьмидесятых и сразу же, с момента своего появления, привлек внимание любителей авторской песни своим творчеством. Помнится, лауреатом Уфимского фестиваля авторской песни он стал на первом же из фестивалей, в котором принял участие. Его песенка о «беломоре горчинкою» обратила на себя внимание знатоков подобного рода песен, и как-то мгновенно ушла в народ – ее запели в электричках туристы, на дружеских вечеринках и друзья, и случайные знакомые. Виктора часто просили спеть эту полюбившуюся всем песенку, а Витя несколько смущенно улыбался и пел. Пел не только ее, пел и другие свои песни. И с годами их становилось всё больше и больше. А некоторые его песни буквально на глазах становились народными. Так, о горькой «Калине-ягоде» поют и молодые девчонки из далекого Орска, и угрюмые мужики на сплавах, и челябинский народный хор, – для них это народная песня и всё тут.

О том, что Виктор Кузьменко пишет не только песни, но и стихи, я, честно говоря, догадывался, но в ответ на просьбы показать их он по-прежнему смущенно улыбался и переводил разговор на другое. Так продолжалось довольно долго, пока, наконец, он не вручил мне свою рукопись. И как следствие – состоявшиеся публикации: сначала небольшая, а затем крупная поэтическая подборка в солидном «толстом» литературно-художественном журнале «Бельские просторы»...

Виктор Кузьменко – лирик. Читатель, держащий в руках этот сборник, заметит это сразу же. Жизненные реалии растворены в стихах, наполняя книгу самой сутью жизни автора, заставляя ему, автору, верить и проживать вместе с ним дни, наполненные мучительными размышлениями о смысле сущего и верой в доброту окружающего нас мира. «Под неслышную диктовку я пишу не о себе...» – говорит поэт, и мы верим ему, ведь только соизмеряя свою и чужие жизни, можно понять свое истинное назначение, найти точку опоры в душе, для того чтобы жить дальше, учить и учиться у людей. Задавая вопросы, на которые не существует ответов, поэт вновь и вновь обращает наше внимание на хрупкость и беззащитность окружающего мира. Он призывает задуматься вместе с ним о шаткости нашего бытия и, сея сомнение в душе читателя, вновь и вновь находит в окружающем те крупинки доброты, которые заставляют всех нас жить надеждой на благополучный исход, на победу добра и света. И в поисках этих крупин он готов пройти неизмеримое количество жизненных коллизий, лишь бы только отыскать для людей то сокровенное, что скрывает в себе природа непростых человеческих отношений...

Сборник, который вы, читатель, держите в руках, конечно, далеко не всё написанное Виктором Кузьменко. За пределами этой небольшой книги осталась его драма в стихах «Любовь Искарота», написанная по мотивам повести Леонида Андреева, – произведение, несомненно, значительное и существующее как в рукописном виде, так и в виде уникального аудиоспектакля в исполнении самого автора. Надеюсь, Виктор Кузьменко в дальнейшем сумеет донести до читателя всё созданное им.

Пожелаем же поэту дальнейших творческих удач, находок и благополучной реализации задуманного!

Николай Грахов,
поэт, член Союза писателей РБ и России,
лауреат премии им. Ф. Карима,
лауреат Международной премии им. А. Н. Толстого

Стихи и песни

«Стихи – перелётные птицы...»

Стихи – перелётные птицы,
Похоже, что дело к весне.
На белых листах вереницы.
Надолго ли в гости ко мне?
Я как-то промаялся зиму,
Укутавши душу теплей,
Из дней, пролетающих мимо,
Запомню лишь те, что милей.
Заполню страницы пустые
Взволнованным гомоном стай.
Простые, простые, простые
Слова: обо мне не мечтай.

«Наше время...»

Наше время
помешалось
На бедовых скоростях.
Помешалось, разбежалось
И свихнулось второпях.
Ах, какая всё же
жалость —
счёт часов уже не в счёт.
То, что в сердце умещалось,
Тает, тает, пропадает,
пропадает...
Пропадёт?

«Голубоглазый мальчуган...»

Голубоглазый мальчуган,
Знакома мне твоя печаль.
Тебя зовет твой Зурбаган,
А за окном метёт февраль.
А за окном выходит срок
И гаснут звёзды в небесах,
И тихо
плачет ветерок
В когда-то алых
парусах.

«Твердят, что время лечит, —...»

Твердят, что время лечит, —
От этого не легче.
Печаль дорогой млечной
Уходит в бесконечность к тем,
Кому уже не надо
Ни славы, ни награды.
Кто, видя нас и слыша нас,
Необратимо нем.

А над землёю грозы,
Дождей июльских грёзы,
Прозрачные, как слёзы
По тем, кого уж рядом нет.
Их лики – только блики,
Но как они велики!
И входит в нас
Их воссиянный свет.

Твердят: рассудит время,
Но ожиданья бремя —
Что брошенное семя,
Которое плода не даст.
Всё в мире неизменно —
Уйдём попеременно.
Настанет год, настанет день,
Настанет час.

И там, изведав небыль,
Душой вращая в небо,
На мир взирая немо,
Поймём, что нет времён и дат.
Что рано или поздно,
Мелькнув в сиянье звёздном,
Когда-нибудь вернёмся
мы назад.

«Далекие звёзды в манящем просторе...»

Далекие звёзды в манящем просторе,
Искрящийся берег холодного моря.
Давно это было. Во сне, наяву ли?
Ах, годы —
шальные, смертельные пули, —
Вы бьёте навывлет, не зная пощады,
Опять возвращая нас в те снегопады,
Где сопки в тумане озябшие дремлют,
На Новую Землю, промёрзшую землю.
Нельзя пережить всё, что было, сначала.
Какая волна нас по свету качала!
Мы были, кем были когда-то,
А ныне —
Иные привычки, заботы иные.
Нас время учило, а мы не учились,
Оно нас лечило, а мы не лечились.
О чём мы грустили? О чём мы мечтали?
А звёзды все там же и ближе не стали.
И светят все так же, зовя в неизбежность,
Да только уже не пугает безбрежность.
Лишь ноет порой застарелая рана...
На Маточкин Шар. Опускаясь туманом,
Уставшие странствовать души мальчишек
Сюда возвращаются, чтобы услышать,
Как бьётся о дамбу их юность волною.
Пока я не с ними, не знать мне покоя.

«Тикают ходики в старой квартире...»

Тикают ходики в старой квартире
С видом на маленький двор,
Время повисло на бронзовой гире
И притаилось, как вор.
Тюль. Занавеска местами заштопана,
Настежь раскрыто окно...
Память моя растреклятая, чтоб она —
Вечно немое кино...
Запах ватрушек, геранью разбавленный,
Плачет сестра на руках,
Матери голос тревожный и сдавленный —
Взрослый, отчаянный страх.
В кадре замедленном долго и плавно
Падает
капля
с лица.
Через секунду узнаю я главное —
Нет у нас больше отца.
С этого дня четверть века разменяна,
Но просыпаюсь в поту.
В скромненькой рамочке – фото Есенина
С трубкою чёрной во рту,
Смотрит с улыбкою светлой из прошлого,
Будто бы хочет сказать:
Жизнь не подвластна закону киношному —
Заново не переснять.

«На лету снежинки тают...»

На лету снежинки тают...
Сердцу грустно видеть это.
Птицы к югу улетают,
Унося с собою лето.
Завтра, знаю, станет пусто
На душе и на планете
И мечты о новом лете
Мною вновь овладевают.

Соловьиные страдания,
Плач цикады одинокой.
Лето ласковою ланью
Пролетит неподалёку.
Лишь порыв хмельного ветра
Обовьёт меня руками.
Все проходит рядом, где-то
За невидимую гранью.

Все спешит, все суетится,
Я ж не в этом измеренье.
Жду, когда засеребрится
Снега белого забвенье.
Ну, а лето так недлинно
И мгновеньем пролетает.
На лету снежинки тают,
Птицы к югу улетают...

«Глаз твоих...»

Глаз твоих
туманности —
Сны мои,
мои мечты.
Не хватает
малости,
чтобы
Стала рядом
ты.
Чтобы километры
нас
Не разделяли,
Бешеные ветры
нас
Не разрывали,
Чтобы утром радужным
Целовать
ресницы
мог.
Вечером
от радости,
Под собой не чуя
ног,
Приходил натруженный,
не чувствуя усталости,
Чтобы взять
до малости
Глаз твоих
туманности.

«Хорошо бы знать, что лучше...»

Хорошо бы знать, что лучше
Из того, что хорошо.
Просто так, на всякий случай,
Если, скажем, дождь пошёл.
Хорошо ль? Судите сами,
Если зонт всегда при вас.
А могли бы быть... цунами!
Представляете, цунами!
Ну, чуть-чуть совсем цунами —
Вас бы точно зонт не спас.

Хорошо бы жить безопасно.
Как душа ни хороша,
Плоть – отнюдь она не вечна,
Ей погибель без гроша.
Ей всё время надо кушать —
Так уж выдумал господь —
Наша плоть спасает душу,
Нашу пламенную душу,
Нашу праведную душу,
А душа изводит плоть.

Хорошо бы быть умнее,
Полагают простак.
Будь они слегка скромнее —
Не плодились дураки,
Наторевшие в науках,
Лихо двигая прогресс.
Простак рожают в муках,
Простак сгорают в муках,
Погибают в этих муках,
А карман набьет балбес.

Хорошо бы хоть во что-то,
Но поверить, наконец.
А поверив в это что-то,
Оказаться «на коне».
Чтоб душа пеклась о плоти,
Чтоб на пользу ум пошёл,
От цунами спас и зонтик,
Да, простой, обычный зонтик!
Вот бы было хорошо.

«Се ля ви, ах, мон шер, се ля ви...»

Се ля ви, ах, мон шер, се ля ви...
Жизнь скучна без вина и любви,
Без друзей, что приходят незванно
Ваш бесценный покой отравить,
Оторвать от насущных забот,
Съесть последний в доме антрекот,
Утопая в дыму сигарет,
Выпить винный запас тет-а-тет.

И ревенон анон мутон...
Какое дело им до ваших дел, пардон.

Но бонжур, ах, мон шер, но бонжур...
Не сердитесь на них чересчур.
Никакой «тур де франс» не заменит
Ваш альянс и взаимный лямур.
И, мон шер, не жалеите фужер,
Ради ваших же добрых манер.
Потому что такой кампанэ
Мог завидовать даже Манэ.

И ревенон анон мутон...
Кому какое, что уж за полночь, пардон.

А ля гер ком, мон шер, а ля гер...
Друг ценней, чем старинный торшер.
За мерси, что он скажет, прощаясь,
Оплатите такси, например.
Все шарман, ах, мон шер, все шарман:
Ваш бульоном залитый диван,
Шифоньер, что упал на трельяж,
Но какой, черт возьми, антураж.

Шерше ля фам, шерше ля фам...
Ну, кто еще, скажите мне, поможет вам?

Резюме:

Се ля ви, ах, мон шер, се ля ви...
Жизнь скучна без вина и любви,
Но шерше тех ля фам непременно,
А потом уже друга зови.

А. Смоляру

Для прощаний всегда уйма вечных причин,
Всё дела да дела у серьёзных мужчин.
Замечает пути серым крошевом лет,
И надежда одна – на случайный просвет.

Растерял календарь в суматохе листы...
По заснеженным улочкам нашей мечты
Бродит кто-то другой и всю ночь напролёт
Наши песни простые негромко поёт.

У серьёзных мужчин вечно времени нет.
Через тысячи рук долгожданный привет
Долетит, гулким эхом пронзив пустоту,
И растает гудком одиноким в порту.

Под фонарным столбом хоть светло, но не день.
Память как для кого – то ли блёклая тень,
То ли росчерк, оставленный в небе звездой,
То ли звонкий ручей с ключевой водой.

Вот уже заблестел крыши крашенный скат,
Знать, холодной зимы неминуем откат.
В каплях солнечных брызг отражение дня.
Вы хотя б иногда вспоминайте меня.

Д. Шульпову

Отдышись хотя б немного,
У дороги нет конца.
Смой попутчицу-тревогу
С загорелого лица.

Посидим у тихой речки,
Вспомним что-нибудь о нас,
Как на каменном крылечке
После долгих пыльных трасс.

Мы давно уже не юны,
Ну и ладно, не беда.
Закопаем в рыжих дюнах
Наши лишние года.

Все вчерашние обиды
Бросим в гаснувший костёр,
А вокруг такие виды —
Нескончаемый простор.

Выпьем тихо, не чеканясь,
На помин ушедших лет.
Как ты? Лично я не каюсь,
Что другой дороги нет.

Покидаем вещи в лодки,
Там поймём, кто брав, кто прав.
За удачный путь по «сотке».
Всё, отчаливаем. Сплав!

«Не стоит в том винить лозу...»

Не стоит в том винить лозу,
Что так податлива бывает.
И ветер, что ее сгибает,
Винить не стоит.
И грозу, когда она холодным градом,
Подмяв собою юный всход,
Казалось бы, беду несёт,
Не надо.
Слышите, не надо
Винить хоть в чём-то этот свет.
Не потому, что он безвинен,
А потому что, может, нет...
Другого.

«Ничего не дать, ничего не взять...»

Ничего не дать, ничего не взять...
По снегам пройти без следа нельзя.
Слишком тонок наст,
Слишком долгод миг,
И не удержать ни вздох, ни крик.

Ничего не жаль. Боль уже не боль.
Слишком хороша сыгранная роль.
Смою с сердца грим,
Выброшу парик
И не удержу ни вздох, ни крик.

Друг уже не друг. Враг уже не враг.
Слишком мрачен свет, слишком светел мрак.
Нарисую сам
На обоях блик
И не удержу ни вздох, ни крик.

Вздох уже не вздох. Крик уже не крик.
Песни все без слов,
Пьесы без интриг.
На снегах следы вытопит весна:
Кто зачем прошёл – не надо знать.

«По зыбким, горячим песчаным барханам...»

По зыбким, горячим песчаным барханам,
Под солнцем палящим худые бока,
Идут, несмотря ни на что, караваны
С нелёгкой поклажею издалека.

Недосказанных слов тюки,
Нерастрченных чувств мешки,
Недоделанные дела,
Неоплаченные долги.
Невзращённые семена,
Проржавевшие стремяна,
Ненатянутая струна,
Безотказный стакан без дна —
не легки!

Погонщики мерно качаются, сидя
На высохших в дальней дороге горбах.
Верблюды годами колодца не видят,
Колючий песок на шершавых губах.

Куда вы, в какие далёкие страны
Сквозь пыльные бури, без пищи и сна,
Невольные пленники фата-морганы,
Несёте свой груз от темна до темна?

«Прогуляемся по осени...»

Прогуляемся по осени,
Возвращаться не спеша.
Про запас бездонной просинью
Наглядимся, не дыша.
Нашуршимся листопадами,
Загадав желаний воз.
За кленовыми оградами
Нахохочемся до слёз.
А когда пора прощания
Подкрадётся, как зима,
Мы до нового свидания
Разбежимся по домам.
И, зажав в перчатке кожаной
Боль невысказанных слов —
Осень, как она похожа на
Запоздалую любовь...
Уносимые трамваями
По далёким адресам,
Примем всё непререкаемо
Из отпущенного нам.

«Однопутка. Поезда...»

Однопутка. Поезда
То туда, а то оттуда.
Люди едут кто куда.
На столах в купе посуда.
Проводницы носят чай.
Карты, книги, разговоры.
Между «здравствуй» и «прощай» —
Два шага по коридору.
Люди едут кто за чем —
Кто на юг, а кто на север,
Кто на время, кто совсем.
За окном полынь да клевер.
Однопутка. Свет луны.
Мерный стук колёс о стыки
Стих давно уж, но видны
Промелькнувших судеб блики.

Утекает дней вода...
Я не еду никуда.

«В бессмысленных поисках смысла...»

В бессмысленных поисках смысла
Потрачены лучшие дни.
Разменяны даты и в числа,
В пустые, никчёмные числа
Давно превратились они.

Забыты любимые лица,
Фамилии их, имена.
Не встретиться и не проститься.
Дай бог, если кто-то приснится,
А так – тишина, тишина.

И, как посреди снегопада,
Дорога былая бела.
И то, что грядёт, – не отрада.
Ни денег, ни славы не надо,
Любая любовь не мила.

В стальные, тяжёлые латы
Закована нынче душа.
И сквозь отрешённости вату,
Пушистую, мягкую вату
Ничто не пробьётся к ушам.

Не тронет ни сладкое пенье,
Ни горечь разлук и потерь.
Смиренье, смиренье, смиренье.
Прошу, ну хотя б на мгновенье
Не верь мне, не верь мне, не верь.

«Когда чего-то хочется —...»

Когда чего-то хочется —
Наверняка не может.
Никто ни при чём и не виноват,
Видно, так назначено неспроста,
И, значит, нам
На авось надеяться,
Стало быть, есть резон.

Когда чего-то может —
Наверняка не хочется.
Из сотни причин хватит и одной.
Выбирай, что глянется,
Как-никак, останутся
Девяносто девять целых,
Стало быть, про запас.

Легко, без напряжения
Плывётся по течению.
Где, что, почему — нам до фонаря.
Как гласит Писание:
Знания страдания
Умножают. Это верно,
Стало быть, мы ни-ни!

Ни в общем и ни в частности
Пока что нету ясности.
Быть или не быть — всяк решает сам.
Потому, поэтому
Вашиими советами,
Как бы так сказать помягче,
Стало быть, мы того...

А если вдруг захочется
И также вдруг заможется,
Тут, как ни крути, нужно угадать,
То ль хотеть, что может,ся,
То ли мочь, что хочется.
Это вам не фунт изюма,
Стало быть, вот те на.

Когда же приавосится —
Не упустить, что просится
Само по себе в руки и в карман.
Ох, уж тут захочется,
Ох, уж тут заможется

Так, что прямо нету мочи,
Стало быть, потерпеть.

«Ой, да на лужке, лужке...»

Ой, да на лужке, лужке
Близ дубравушки
Молодой косарь
Траву кашивал.
Траву кашивал,
приговаривал:
«Ты коси, коса,
пока рань-роса,
Пока солнышко
невысокое,
Пока солнышко
не разъярится,
Сила-силушка
не растратится,
Да головушка
не умается».

Ой, да на лужке, лужке
Близ дубравушки
Молодой косарь
Траву кашивал.
Траву кашивал,
косой помахивал,
Остроту да прыть
все прихваливал:
«Ты, коса моя,
коса острая,
Коса прыткая,
голосистая,
Хорошо косишь —
режешь ровноти.
Хорошо поёшь —
не сбиваешься».

Ой, да на лужке, лужке
Близ дубравушки
Не коса поёт —
Плачет травушка.
Плачет травушка,
да зеленая:
«Ты почто меня
молоду сгубил?
Молоду сгубил
да невинную,
На сыру землю
бросил сохнути?
Бросил сохнути

одинешёнку
На лужке, лужке
Близ дубравушки?»

Калина-ягода

Ветви развесила
Калина-ягода.
Ох, как невесело
Перебирать года.

Перебирать, рядить,
Что не случилось.
Была пора любить,
Да не любилося.

Пора любить прошла —
Не попрощалась.
Всю грудь печаль прожгла
Та, что осталась.

Осталась навсегда
В ладошке горкою
Калина-ягода.
Ну что ж ты... горькая?

«Широка река, да не глубока...»

Широка река, да не глубока,
На крутом яру тишина в бору.
Помяни меня на закате дня
И забудь навек поутру.

Солона слеза помутит глаза,
Да не навсегда, говорят, беда.
Не бурлив поток, а к годку годок
Подмывает берег вода.

Отпоёт к утру соловей в бору,
Отгудит молва, опадёт трава.
И найдёт покой в стороне чужой
Буйная моя голова.

Сердце пересиль – брось кольцо в ковыль.
Тонкой юбки край не подшить впотай.
Собери венок, опусти в поток
И себя свободной считай.

«Эта осень, словно книга...»

Эта осень, словно книга
В желто-красном переплёте,
Птиц горластых вереницы
Собирает в перелёты.
Я листаю эту книгу
За страницей страницу,
И дождливыми ночами,
Хоть убей, опять не спится.

Это глупость, это нервы...
Дня вчерашнего заботы
Проступают от чего-то
На лице холодным потом.
Во дворе опавших листьев
Ветер карусель вращает.
В дни, забытые как будто,
Память снова возвращает.

Нет, не ветер – это время,
Отражаясь в стеклах буден,
Рвет забвенья паутину,
Ударяя в звонкий бубен.
И не листья в небе кружат —
Наших встреч случайных даты.
В том, что дождь стучит по крышам,
Мы с тобою виноваты.

Что осталось в этой жизни —
В небе узенькая просинь
Да поблекшие страницы,
Так похожие на осень.
Запоздалых обещаний
Горечь давит в горле комом.
Дни, в которых мы когда-то
Были, кажется, знакомы.

«К вечеру тени гуще и глуше...»

К вечеру тени гуще и глуше.
Краски тускнеют, их трудно понять.
Буду, зажмурясь, мелодии слушать
Те, что прибой напоёт мне опять.

Где-то цикада подхватит чуть слышно,
Грустную ноту вплетая в мотив.
Даже дыхание кажется лишним
В песне, что слушаем я и залив.

Кто сочинил эти чудные звуки,
Влажным дыханьем наполнив закат?
Кто подарил эти сладкие муки?
Я никогда не верну их назад.

Я никогда не вернусь в этот вечер,
К морю, поющему мне обо мне.
Только душе, обретающей вечность,
Будет что вспомнить одной в вышине.

«С утра и до утра холодные ветра осенние...»

С утра и до утра холодные ветра осенние.
Я в листья облечён и так же обречён,
И нет уже ни в чём спасения.
Хочу ли, не хочу, но по ветру лечу в забвение.
И, в сущности, пустяк, что вышло всё не так
И вечность чуть длинней мгновения.

Ах, как заманчив путь пройти сквозь это «чуть»
Над пропастью.
Нарушив рубежи, ворваться в миражи
И написать: «Я жил», – прописью.
Что свято, что грешно – не каждому дано выяснить.
Как листьям на лету, познавшим высоту,
Последнюю черту не вычислить.

Желанья и мечты наивны и пусты, попросту.
Как в облака ни рвись, тебя не примет высь,
Когда растратил жизнь попусту.
И всё же мы летим, хоть миг не обратим листьями.
И под ноги ложась, затоптанные в грязь,
Останемся навек чистыми.

«Просто вечер летний был...»

Просто вечер летний был,
Просто месяц в небе плыл,
Зацветала под окном морковь.
Ты, как будто невзначай,
Позвала меня на чай.
Тут, откуда ни возьмись, любовь.

Пар над чашкой невесом.
Неужели всё не сон?
Нет ни мыслей, ни желаний, ни слов.
Взгляд скользит по потолкам,
Подступает дрожь к рукам.
Без тебя нам было проще, любовь.

Бьются мошки о стекло,
Остывает дня тепло.
Как противно пахнет эта морковь!
Ты вздыхаешь в тишине,
Нам не быть наедине
До тех пор, покуда с нами любовь.

Опрометчиво порой
Называем жизнь игрой,
А поняв, что всё не так, хмурим бровь.
Если вздор и ерунда
Нами правят иногда,
Говорим: тому виной любовь.

Так хорошо могло бы быть нам вдвоём.
Гложет отчаянье: чай не при чём.
Планы насмарку, жизнь наперекосяк —
Ай лав ю, милый, вот так,
Ай лав, май далин, – вот так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.